

БЕЛАШКА

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

тут-то, ближе к вечеру, к нему в ЧП заглянул давнишний друг, а ныне один из руководителей района - Иван Савельевич Подкорытов. По такому случаю, друзья немного «спрыснули». Обменялись новостями, вспомнили юношеское прошлое, студенческие годы. За разговором, как-то незаметно, Григорий Васильевич поквасил:

- Знаешь, какое приобретение я сделал? Угадай с трех раз! - Он прикрыл от удовольствия глаза. - Век не угадаешь!

- Трактор что - ли новый? Или машину?

- Ну, у машину не машину, трактор не трактор, а техника, я скажу тебе, класс! Пойшли, пожалуйста!

Сегодня у Григория Васильевича был особынный день. Он готовился к этому событию давно. И казалось, что все продумал и учел, а вот про рубашку как-то забыл. И сбоярясь утром, лихорадочно прогоняя весь сковородки пред-

жал Подкорытов.

- Ладь, в 10 так в 10. Ждите, будущий осадок. Будто кто - то «кинул» его, по крупному. Постепенно приходя в себя, Григорий успокаивался.

- Поплысел, ролимас, - подумал он про танкетку, - непременно поплынет, куда она денется?

Схолил в гараж, нашел механика. Переговорили. Съездили на место будущего действия.

С нашей стороны берег был пологим. Левый берег был крутым. Но если сплавывать ниже, берег переходил в отмель, которая была еще приоткрыта. Далее по реке, в полкилометра находился остров, заросший тапом и тополем. Река и впрямь была еще в берегах, мутная, какая - то серая, непривлекая.

- Не верю, что она поплынет. Железка и есть железка. Потонет, как пить дать, потому

что на сковородки всплыла.

Плыть решили вместе с механиком Петром.

Тот хоть и молодой еще, но бесшибашный,

то неестественно, наруженно, словно взывал от боли или страха и затлок.

- Твою мать, приехали, - выругался Григорий. - Вот тебе и «Варяг». По-моему теперь мы упльвем, как варяги в греки. Петро, лянь, что там? Петро мышкой прокочил в моторный отсек. Некоторое время было тихо.

- Василич! Тут течь небольшая где - то. Пощекотку воды уже. Что делать будем? Потонем, погиб вместе с «Варягом», - голос у Петра слегка дрожал.

- А ну, иди сюда, хотя нет, подожди, - Григорий перебрался к Петру. Воды было действительно прилично. Танкетку течением разворачивало в обратную сторону и сносило по гечину, прямиком к острову. - Не боись, Петро, если что, к острову прибьет.

А в это время, на берегу, делегация осванивала первую бутылку марочного коньяка. «Сам» глядел из-под руки, говорил:

- Молодец, Васильевич, хорошую технику приобрел. Самое главное, нужную. Вот, Александр Иванович, ты у нас главный ЧСник, малый на ус. Если что, не дай Бог, случится, спасать кого или вывозить, имей в виду, належное дело, одно слово - военно-промышленный комплекс.

- Ну, как говорится, за содружество армии, флота и пролетариата. Будем! Все поддержали хозяина.

Только Иван Савельевич заприметил, что здесь что - то не так. Договор был переплыть реку туда и назад.

- Видели, какие кренделя выплысывают? - поддержал шефа Александр Иванович, - ну, молодцы!

- Передай Григорию Васильевичу, от меня лично благополучность, - поположил вставая

стоящего дня, прокручивая мысленно все еще

раз, он вдруг с ужасом увидел, что его благородная супруга приготовила ему белую рубашку. Скрежетнув зубами, он вышел в кухню к жене и зло спросил:

- Что, другую рубашку погладить не могла? Она же белая!

На что супруга Наталья, стоя у плиты, ответила ему довольно тривиально:

- Другие грязные, я их утром замочила, поэтому один день и в белой, ничего не случится...

Спорить было без толку. Не пойдешь ведь, в самом деле, без рубашки. Олевались и наскоро перекусив, он попечевал Наталью в щенку и выбежал из дома.

Стало весеннее, ясное утро. Была середина мая. Та самая золотая пора, когда листья на деревьях только распустились. Новая травка уже подросла, и все это великолепие было ослепительно сияюще-зеленым и нежным. Воздух был свеж и от обилия цветущих одуванчиков, черемух и сирени, кружил голову и звал к новым поступкам, обещая что-то сладостно-приятное. Хотелось петь. Жизнь была прекрасна...

ЧП "Тюволоскин". Григорий Васильевич создал пять лет тому назад. За это время оно окрепло, выросло и стало известно не только в своем районе, но и за пределами его. В прошлом году, по осени, как считал Григорий, ему нескончально повезло. В одной из расформированных воинских частей он лептво приобрел сплющенную плавающую танкетку. Она была в сплющенном состоянии. Двигатель не работал, ходовая часть требовала корпульного подголовка. Однако, будучи танкистом в "срочную", он нескончально обрадовался этому приобретению. Все свободное время он проводил в мастерских. Вместе со слесарем и механиком они крутили гайки, торцата, варил. И вот в начале мая танкетка своим ходом вышла из мастерских. Григорий Васильевичично дал "круг почета". Машина работала мягко, легко слушалась руля. Оставалось опробовать ее на плыву. И вот

Григорий Васильевич загорелся:

- Спорим, поплывет! Вот увидишь, еще как поплывет! Хлопнули по рукам. Зашли в контору, хватили еще по сто грамм за пари.

- Давай после 9-го мая, скажем, числа 20-21 испытаем ее на воде.

- Добро!

Они еще посидели с часок и слегка потягивали разъехались по домам. Незаметно пролетели две недели. 20 мая, в пятницу, к вечеру, у Половокина зазвонил телефон.

- Приветствуя тебя, Григорий Васильевич! Подкорытов беспокоит. Как дела? Про спор наш не забыл? Тут такое дело. Мужик наши на "Зеленку" в субботу собрались, а я им про свою технику показывал. Заинтересовались все, хотят посмотреть, как ты на ней плаваешь будешь. Не слабо завтра показать?

Григорий Васильевич ждал этого звонка. Но все как - то не верилось в серьезность пари. Мало ли что, под "мухой" не липнешь. Поэтому немножко оробел.

- Да я в принципе, не против. Завтра, так завтра. Только уточниться надо, где и во сколько?

Где - то внутри второе я говорило ему, что рано еще. Проверить бы на малой воде, а уж потом... река была еще достаточно проплойкой. Но Иван Савельевич настойчиво продолжил:

- Если ты не против, то завтра за железнодорожным мостом, часиков в 10 утра. И учти "сам" будет, так, что все должно быть "окей".

Григорий Васильевич мысленно прикинул место ниже моста. Там река была особенно глубокой, правда, течение небольшое. Но ведь еще весна...

- Ну так как - тянул свое Иван Савельевич. Не подведешь? А то я некрасиво выглядеть буду.

- Красавец нашелся, - зло подумал Григорий, - пересохла, видишь ли, ему надо. Был бы жив, другое дело, так нет, он с собой еще вечно оправу таслит во главе с "самим".

- За нами ляп конька и закусь, - продолжал.

отчаянными.

- Завтра полвосьмого, в гараже, - решил

Григорий. Бог не выдаст, свинья не съест. Дал слово, держать надо.

Бодро шагая, Григорий Васильевич подходит к гаражу. В курилке, около гаража, на лавочке его поджидал Петр.

- Видуха дурацкая, как на праздник какой вырядился, фраер, в белой рубашке, - заводил себя Григорий, - еще бы галстук напялил. Вот и Петр, как кот мартовский на солнышке лыбится.

Поздоровались за руку. Перекинулись нескользкими ничего не значащими фразами, покурили.

- Ну, давай, выгоняй, - скомандовал Половинкин, - да масло проверь. К месту действия

прибыли в девять. Опаздывать не с руки, начальство как - никак будет. Вода за ночь не много спала. У реки было прохладно, свежо.

Делегация прибыла в начале одиннадцатого.

Одетые в спортивные костюмы, они смотрелись пристро и весело, стояно туристики, проглатывали, похлопали по броне, расстелили одежду,

расположились. "Самому" поставили раздвижной стульчик. Иван Савельевич дал отмашку:

- Можно начинать...

Немного мандражнуя, Григорий с Петром сели в танкетку. Завели. Спустились с берега. Танкетка как - то осела. Казалось, что с берега. Танкетка как - то осела, еще немножко и утонет. На малых оборотах пошли.

- Плынет, плынет, ролимая, - ликовал Григорий.

- Все в порядке, шеф, - радовался, как ребёнок Петя, - толпы вперед!

Метрах в тридцати их начало заметно сносить, но шли бодро, легкая волна набегала на передний козырек танкетки. Руки у Григория немножко дрожали от волнения, сердце - ликовало!

- Врагу не слается наш гордый «Варяг», пошли никого не желает, - затянул Петро. Второй купил пели вместе. На середине реки можно было

"сам". - Ты тут останься, Иван Савельевич, встречать их по-отечески, коньчком утости и прочее, а мы в затон поедем, там, наверное, шашлычки уже готовы.

И все вслед за шефом потянулись к машинам. Хлопнули дверями и уехали, оставив на берегу Ивана Савельевича с водителем и на краю листостарханом. Танкетку сносило, кружила, к острову.

- Лишь бы не пронесло, - полумал Григорий, - лишь бы не пронесло! Петро, вычерты волны воду кепкой.

- Во, блин, поплавали...

Танкетку прибрал к острову с нашего берега. Видно, мелководье помогло. Еще метров пять тащило по гальке, наконец встали. Больше не подтапливали. Часа два возились с мотором по очереди. Промокли и вымазались с ногой головами. Петро нашел резиновое ведро, сделанное из камеры, выщерпывал воду стараясь. Пробовало заводить, наконец, когда сил уже не было, мотор по-молодому заржал и вырвался. Раскатистое "ура" раздалось по пустынной реке. Иван Савельевич, задремавший на берегу, вздрогнул:

- Слава Богу! Ожил!

Назад добрали быстро, без приключений. Поднявшись на сухое место, встали. Заглушили мотор. Вылезли или тяжело. Иван Савельевич притягиваясь у танкетки, с бутылкой конька и куском колбасы, заскакивающие повизывал:

- Васильевич! Дорогой, ты мой! Долглили таки сердешные! Вылейте коньчка-то, согрейтесь.

Григорий спрыгнул на землю, стянулся с себя мокрую рубаху неопределенного грязного цвета, в разводах мазута и с силой грюнул его об землю.

- Говорил же бабе - не надо белой рубахи!

Ну, не поборю я белые...

Петро, сидя на броне, снимал ботинки и выливал из них воду.